

М.Н. Сербул

Борис Годунов

Главный герой трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», царь московский. Из семилетнего правления Бориса Годунова (1598–1605) Пушкин освещает только отдельные эпизоды, которые касаются избрания его на московский престол, а также последних двух лет царствования.

Изображая Бориса Годунова виновным в убийстве царевича Димитрия, Пушкин следует версии Карамзина. Но ни разу, даже наедине с самим собой, Борис Годунов прямо не признается в содеянном преступлении. Уличают его тревожные сны («...тринадцать лет мне сряду Все снилося убитое дитя») и муки нечистой совести, вызываемые кровавыми видениями:

И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Бледнеет он и при простодушном рассказе патриарха Иова о чудотворных мощах Димитрия. Вместе с тем Борис Годунов — сильная личность. Василий Шуйский, посланный по свежим следам в Углич исследовать дело о смерти царевича, собрал, по его словам, неоспоримые свидетельства виновности Бориса Годунова:

Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

Но Шуйский отступает перед силой характера и выдержкой Бориса Годунова:

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью неожиданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто правый...

Борис Годунов — тонкий и расчетливый политик. Ему важно, чтобы на трон его призвал весь народ. Не появившись еще на сцене, он присутствует в разговорах о нем различных действующих лиц — бояр и простого народа. И уже в этих разговорах обнаруживается воля Бориса Годунова, так как народ, не видящий в нем пока цареубийцу, ведет себя так, как это надо Годунову, и объясняет его отказ от престола в нужном для Годунова духе: «Его страшит сияние престола». Игру Бориса Годунова прекрасно понимает Шуйский, прозорливо угадывая дальнейшее развитие событий:

Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится...

Развитие событий именно по этому сценарию обнаруживает лицемерность поведения Бориса (его отказ, монастырское затворничество, колебания и, наконец, смиренное принятие власти), подрывает веру в искренность его тронной речи:

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем...

Но Борисом Годуновы движут не только честолюбивые помыслы. Он наметил обширные планы преобразований, направленных на укрепление Российского государства. Выходец из новой знати, Борис Годунов ограничил власть старого родовитого боярства, тем самым спровоцировав отчасти боярский заговор:

Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;
Пора презреть мне ропот знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Родовитый Шуйский с ненавистью характеризует его: «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, Зять палача и сам в душе палач». Представителю же новой аристократии, Басманову, реформаторская деятельность Бориса Годунова близка и понятна («Высокий дух державный. / Дай бог ему с Отрепьевым проклятым / Управиться, и много, много он / Еще добра в России сотворит»).

С Басмановым Борис Годунов делится мыслями о сути державного правления, которое он видит в строгости, в следовании политики «разумного самодержца» Иоанна III и его «свирепого внука Иоанна Грозного. Завещая престол сыну, Борис Годунов стремится приобщить неопытного отрока к мудрости державной власти, проявляя себя искусным дипломатом. Он учит сына править так же, как правил он сам («Привычка — душа держав»), но, чтобы расположить к себе народ, вначале необходимо ослабить бразды правления, отменить опалы и казни, которые Борис Годунов был вынужден восстановить. «Со временем и понемногу снова, — говорит Борис Годунов, — Затягивай державные бразды». Он советует Федору брать на службу иноземцев, быть к ним милостивым и доверять им.

Но обладание московским престолом и знание тайных пружин власти не сделали Бориса Годунова счастливым. Его центральный монолог «Достиг я высшей власти» свидетельствует как о высоте былых помыслов и деяний Годунова («Я думал свой народ в довольствии во славе успокоить... Я отворил им житницы, я злато рассыпал им... Я выстроил им новые жилища...»), так и о глубине постигшего разочарования («Ни власть, ни жизнь меня не веселят ...мне счастья нет»). Борис Годунов склонен во всем винить неблагоприятную «чернь» с ее ненавистью к «живой власти» и любовью к «мертвым». Но источник тяжелого душевного кризиса царя кроется не только в осознании им бесплодности всех его трудов, но и в муках нечистой совести. Глубина и сила переживаний Бориса Годунова свидетельствуют о незаурядности его личности, о его могучей душе. Тем более что монолог этот не «на публику», а имеет исповедальный характер.

Мучаясь и страдая, он ищет утешения и опоры не у земных сил, Борис Годунов обращается к кудесникам и гадателям, обращается к религии. Когда царь велит собрать войско, он приказывает не трогать монахов: «Пусть молятся за нас они...» В надежде искупить свою вину перед Богом он просит Юродивого помолиться за него. Но ничто не может успокоить его беспокойную совесть.

В трагедии Борис Годунов показан не только как человек, стоящий во главе государства, но и как лицо частное — в быту, в семье. Он нежный отец, находящий ласковые слова для дочери, потерявшей жениха. Он трогателен в своем преклонении перед наукой, которая ему неведома и которую, как он надеется, постигнет его сын. Горячо любя сына и благословляя его перед смертью на царствование, Борис Годунов стремится всю полноту ответственности за содеянное преступление взять на себя:

Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь.
Я, я за все один отвечу Богу...

Но круг замыкается: убийство царевича Дмитрия открыло дорогу к царскому престолу Борису Годунову, убийство Федора и Марии Годуновых предваряет восхождение на престол Дмитрия Самозванца.